

## РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

*Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ***Современное российское общество:  
проблемы и перспективы\*****Динамика социально-групповой структуры**

Главная функция социальной структуры состоит в таком распределении статусов и ролей между гражданами и их группами, которое позволяет максимизировать общий результат жизнедеятельности, а также создает предпосылки для расширенного воспроизводства человеческого потенциала общества. Оптимальной с этой точки зрения является такая социальная структура, которая обеспечивает: относительное равенство жизненных шансов граждан на реализацию своих способностей и занятие достойного статуса; меритократическое распределение материальных и социальных благ, поощряющее более сложные, ответственные и значимые для общества формы деятельности; свободу выбора индивидуальных стратегий продвижения в социальном пространстве; интенсивную трудовую и социальную мобильность граждан с преобладанием восходящего направления над нисходящим.

Удовлетворение этих требований к социальной структуре предполагает несколько важных условий. Это, во-первых, целостность стратификационного пространства общества, которая служит необходимым условием реальной конкурентности восходящей мобильности. Во-вторых, многомерность этого пространства, обеспечивающая широкий выбор стратегий социального продвижения. В-третьих, умеренная депривация низших слоев общества по сравнению с верхними и средними, относительный характер бедности, не допускающий ее перехода в нищету. В-четвертых, оптимальная дифференциация социальных статусов, обеспечивающая стимулы к восходящей мобильности, но не создающая острой социальной напряженности. В-пятых, возможно меньшая зависимость социальных статусов от изначального неравенства жизненных шансов, связанного с прескриптивными качествами граждан (гендером, национальностью, социальным происхождением, возрастом и др.).

Предполагалось, что либерально-демократические реформы будут способствовать улучшению социальной структуры общества в большинстве указанных направлений. Но ее действительное изменение с точки зрения названных выше критериев носило противоречивый характер. Основные сдвиги, произошедшие в этой структуре в последнем десятилетии, можно охарактеризовать следующим образом.

---

\* Окончание. Начало см. "Общественные науки и современность". 2004. № 5.

Советская модель социальной стратификации к настоящему времени разрушена, новая же ее модель находится в стадии становления (подробнее см. [Тихонова, 1998; Заславская, 1996; 1997]). Административные и сословные методы регулирования социально-иерархических отношений постепенно вытесняются рыночными. В связи с этим кланово-сословный принцип структуризации общества сменяется классовым, основанным на противопоставлении наемных работников собственникам, мелких и средних собственников – крупным и крупнейшим, работников низкой и средней квалификации – высоким профессионалам.

Единый общероссийский рынок труда пока только формируется. Поэтому в разных сегментах общества и в разных регионах страны действуют более-менее независимые системы социальной стратификации. Кроме того, в государственном секторе экономики сохраняются обширные сферы традиционных кланово-сословных структур (таких, как армия, милиция, ФСБ, государственная служба, корпоративный менеджмент, предприятия ВПК и др.). Социальное продвижение работников в этих сферах зависит не столько от профессиональных качеств, сколько от социальных связей и лояльности к прямым и вышестоящим начальникам.

Существенно изменилась сравнительная значимость различных ресурсов в формировании социальных статусов. Если в советском обществе главную роль играли административно-должностные ресурсы, связанные с местом работников в управлении экономикой и обществом, то теперь их заметно потеснили экономические ресурсы. Главным фактором стратификации социальных групп и слоев стала дифференциация материального благосостояния – уровня доходов и масштабов собственности. В современной стратификации российского общества решающую роль играют богатство и власть, которые настолько тесно срослись, что практически образуют единую ось "власть – богатство", положение на которой служит универсальным критерием статуса и успеха. Таким образом, хотя стратификационное пространство изменилось, оно не стало более "объемным" и многомерным. Если в западных обществах фиксируется тенденция к повышению роли высших, постматериальных ценностей, связанных с профессионализмом и духовным развитием личности, то в России они пока вытесняются первичными и более примитивными ценностями. Социальные и особенно культурные ресурсы граждан (уровень образования и квалификации, творческое отношение к труду) играют намного меньшую роль в формировании социального статуса, чем собственность, доходы и должность. Однако в динамике роль культурных ресурсов имеет тенденцию к росту.

Изменилась общая стратификационная модель российского общества, определяемая распределением населения между верхними, средними и нижними слоями. В СССР она имела форму, близкую к современным западным обществам: относительно небольшая верхушка (номенклатура и ее окружение), массивный средний слой (интеллигенция, квалифицированные работники умственного и физического труда) и значительно меньший низший слой (работники без квалификации). Но в результате реформ и дефолта 1998 г. социальный статус большинства представителей среднего слоя существенно снизился, и стратификационная модель сильно "осела" вниз.

В современном российском обществе просматриваются шесть иерархических слоев или страт. Высший слой представлен господствующей и правящей элитами, доля которых в населении составляет доли процента, в то время как находящиеся в их распоряжении ресурсы сравнимы с ресурсами остальной части общества.

Второе место принадлежит субэлите, или верхнему слою, состоящему из высших чиновников, генералитета, собственников и менеджеров крупных предприятий, банков и фирм, преуспевшей части культурной элиты. На его долю приходится 5% населения и такая же доля россиян, занятых в экономике.

Между верхними и нижними слоями располагается не очень массивный и социально гетерогенный средний слой, на долю которого приходится 11% всех россиян и 14% занятых в экономике (против 30–35% интеллигенции, которую принято было считать средним классом советского общества). К современному среднему слою России отно-

сятся: среднее звено государственных служащих, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, директора небольших государственных предприятий, менеджеры частного сектора, высококвалифицированная и востребованная часть профессионалов (интеллектуалов). С качественной точки зрения эти социальные группы отличаются значительно большей инициативой, самостоятельностью и дееспособностью по сравнению как с советской интеллигенцией, так и с нижестоящими слоями российского общества. Сравнительно высокий ресурсный потенциал позволяет их представителям успешно адаптироваться к социально-экономической ситуации. Но до того, как средний слой российского общества сможет выполнять социальные функции, свойственные средним классам Запада, предстоит еще долгий путь (подробнее см. [Заславская, Громова, 1998]).

Слой, расположенный ниже среднего, является самым массовым: к нему относятся 50% всех граждан и 68% занятых в экономике. В структуре западных обществ подобное место занимают средние классы, однако российский самый массовый слой начисто лишен свойственных этим классам признаков, поэтому называть его средним – значит запутывать дело. Этот слой представляет интересы большинства россиян и составляет социальную базу общества, поэтому его можно назвать базовым. Здесь сосредоточено подавляющее большинство рядовых специалистов массовых профессий (инженеров, учителей, врачей и др.), клерков, промышленных рабочих, фермеров, работников торговли и сферы обслуживания и др.

К более узкому и маловлиятельному нижнему слою относится менее квалифицированная часть рабочих и служащих, значительная часть крестьян, лица без профессий, хронически безработные, а также большинство пенсионеров и инвалидов, располагающих минимальными средствами к жизни. Здесь сосредоточено примерно 30% населения, но только 12% занятых в экономике.

Замыкает стратификационную шкалу России обширное социальное дно, представители которого составляют примерно 5% населения. Это люди, фактически исключенные из общества, – алкоголики, наркоманы (до 3 млн, по данным Л. Тимофеева), нищие, бомжи, бродяги, проститутки, беспризорные дети и подростки (около 2 млн), воры-карманники и пр. Они живут по собственным нормам и правилам, во многом противоречащим общепринятой морали и праву.

Количественное соотношение слоев российского общества является довольно устойчивым. Если в 1993 г. соотношение верхнего, среднего, базового и нижнего слоев занятого населения России можно было условно выразить пропорцией – 6:13:73:8, то в 2000 г. та же пропорция выглядела так: 5:15:68:12<sup>1</sup>.

Важным результатом институциональных реформ стало многократное увеличение социальных дистанций, разделяющих иерархические слои общества, углубление экономической и социальной поляризации общества. В начале 1991 г. денежные доходы 20% самых обеспеченных советских семей России превышали доходы 20% наименее обеспеченных в 2,8 раза, а в 2001 г. этот разрыв составил 8–9 раз [Россия... 2002, с. 143]. Согласно же специальным расчетам, направленным на полный учет теневой составляющей экономики, данный показатель равен 13,6. А разрыв в доходах массовых слоев и верхушки российского общества приблизился к 30 разам [Пихоя, 2000; Паппэ, 2000; Чирикова, 1997; Крыштановская, 1996]. За годы реформ в стране успела сформироваться специфическая культура бедности, циклический замкнутая на собственное воспроизводство и не формирующая у молодых поколений достигательных установок и ценностей.

Рост социальной дифференциации происходил на фоне падения реальных доходов населения. В 1992–1995 гг. средняя реальная заработная плата россиянина снизилась в 3 раза, а средний денежный доход – в 2 раза. Причем эти процессы сопровождались

---

<sup>1</sup> Эти данные в основном совпадают с результатами других ученых, изучающих социальную стратификацию России, большинство из которых выделяют от 5 до 7 иерархических слоев. См., например [Беляева, 2001; Голенкова, 1998; 2001; Лепехин, 1998].

беспрецедентным ростом неплатежей по заработной плате, пенсиям и социальным пособиям. В 1996–1997 гг. наметилась некоторая тенденция к росту доходов, но финансово-экономический кризис 1998 г. прервал ее. Последующие годы ознаменовались улучшением ситуации, но в декабре 2001 г. средний уровень реальной заработной платы россиян все еще составлял 41%, а реального душевого дохода – 52% от уровня декабря 1991 г. [Россия ... 2002, с. 137–138]. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН), в настоящее время в России насчитывается 36 млн граждан, живущих ниже черты бедности, причем сама эта черта проходит теперь в полтора раза ниже уровня, принятого в 1991 г. [Римашевская, 2004]. В среднем по России бедные составляют четверть населения. Новая представительная группа бедных – семьи из двух работников с 1–2 детьми, в бедных семьях живет половина общего количества детей. Есть в России и "регионы сплошной бедности", где к бедным относятся более 70% семей [Римашевская, 2004]. Ключевыми факторами, стимулировавшими распространение бедности, были снижение уровня занятости трудоспособного населения<sup>2</sup>, рост доли низкооплачиваемых работников, а также ограничение доступа бедных (с зарплатой ниже прожиточного минимума) к социальным трансфертам и бесплатным социальным услугам [Россия... 2002, с. 124–125].

Резкое углубление социальной дифференциации российского общества связано с происходящим в последние десять лет полустихийным переходом от планово-административного регулирования личных доходов к их формированию через механизм конкурентных рынков труда, капитала, товаров, услуг, инвестиций. В период такого перехода распределение личных доходов граждан испытывает влияние многих независимо действующих факторов. Это и механизмы становящихся рынков, и социальная политика государства, и личные стратегии разных групп россиян в сферах труда и занятости. Крупный вклад в усиление дифференциации вносят резко усилившиеся различия между доходами работодателей и наемных работников, работников частных фирм и государственных предприятий, сырьевых и перерабатывающих отраслей экономики. Неоправданно велики различия в уровне благосостояния населения города и села, мегаполисов и малых городских поселений, а также разных регионов страны. Следствием этого являются мощные потоки миграции, направленные из северо-восточных в юго-западные районы страны.

В связи со слабостью социальной политики государства намного усилилась зависимость доходов от прескриптивных качеств граждан – пола, возраста, состояния здоровья, социального происхождения, национальности. Сильнее других от реформ пострадали неполные семьи, дети-сироты, инвалиды, жители моноотраслевых городов и сельской "глубинки". Особенно важным фактором социальной дифференциации стал возраст: шансы молодежи на социальное продвижение существенно выросли, положение же пожилых и престарелых граждан резко ухудшилось.

Для социально продвинутой и активной части россиян первая половина 1990-х гг. ознаменовалась существенным ростом восходящей мобильности. Общественное мнение того времени отметило заметное расширение возможности разбогатеть и сделать карьеру. Возросла роль образования как средства повышения социального статуса. Значительно расширился спрос на квалифицированные образовательные услуги, обучение в лучших, пользующихся престижем университетах. Повысилась готовность россиян платить за собственное образование и образование своих детей. Однако повышение социального статуса меньшинства произошло на фоне нисходящей мобильности большинства, связанной с упадком многих городов, районов и отраслей хозяйства, усилением конкуренции за рабочие места, возникновением заметной безработицы. К тому же со второй половины 1990-х гг. элита и верхний слой российского общества стали все более закрываться, восходящая социальная мобильность из нижних и средних слоев заметно уменьшилась.

---

<sup>2</sup> С 1992 по 2000 г. уровень безработицы увеличился с 5,2% до 11,7% экономически активного населения.

Новой чертой социальной структуры России стал рост неопределенности и неустойчивости социального статуса значительной части граждан. В основе этого феномена лежит расхождение элементов статуса, когда высокое положение людей по одним осям стратификационного пространства сочетается с низким статусом по другим. В качестве примера можно назвать группы формально безработных, а фактически занятых на неформальной основе; квалифицированных специалистов, живущих на грани бедности и месяцами не получающих зарплаты; лидеров теневого и криминального бизнеса, формальный статус которых не имеет ничего общего с реальным масштабом и характером деятельности. Такая ситуация препятствует надежному отнесению соответствующих групп к какому-либо конкретному слою, а также субъективной идентификации их представителей с определенными социальными слоями и группами.

Тем не менее большинство россиян адаптировались к новым условиям. По данным Аналитического центра Юрия Левады в 2003 г. доля тех, кто никак не может приспособиться к нынешней жизни, составляла 12%–14% [Вестник... 2004, с. 74]. Стало значительно меньше тех, кто считает свое материальное положение плохим, испытывает сильное недовольство жизнью, напряжение, страх и тоску. В 1999 г. они составляли примерно 60% опрошенных, а в 2002 г. – 32%–36% [Вестник... 2004, с. 67]. Однако более чем в половине случаев адаптация россиян происходит на базе нисходящей мобильности. Она носит вынужденный, а не добровольный характер и сочетается с сужением, а не расширением сферы индивидуальной свободы [Шабанова, 2003]. Иными словами, люди привыкают к худшим условиям и постепенно с ними смиряются. Не так мало и тех, кто пока не смог приспособиться к новым условиям, их насчитывается более 20 млн человек. Вместе с тем недовольство россиян своим положением носит преимущественно пассивный характер и почти не проявляется в протестных действиях зависимыми подданными государства [Левада, 2000<sup>3</sup>]. Слабое развитие гражданского общества также открывает простор самовластию политической и экономической элит<sup>3</sup>.

Общий итог изменения социальной структуры России под влиянием институциональных реформ амбивалентен. С одной стороны, рыночные реформы заметно активизировали общество, повысили экономическую самостоятельность граждан, их ответственность за собственную судьбу. В течение последних 3–4 лет, впервые после долгого кризиса, наблюдается быстрый рост реальных доходов населения. Интенсифицировалась образовательная активность части молодежи, расширились ее жизненные шансы. С другой стороны, способность социальной структуры интегрировать структурные элементы общества и стимулировать конструктивную активность большинства граждан, скорее, снизилась. Резко усилившийся разрыв между элитой и массовыми слоями общества еще более усилил отчуждение россиян от власти, их социальную и политическую инертность, неготовность к мобилизации для решения общих задач.

### **Динамика человеческого потенциала**

*Демографический* компонент человеческого потенциала России в 1991–2001 гг. изменился в неблагоприятную сторону. Прежде всего, намного усилился процесс естественной убыли населения, которая временно и частично покрывалась положительным сальдо миграции. За это десятилетие число умерших россиян превысило число родившихся на 7,8 млн человек, причем естественная убыль населения имела тенденцию к росту. Если в 1996–1998 гг. она составила 2,2 млн чел., то в 1999–2001 гг. – 2,8 млн. По мнению ученых, российская депопуляция качественно отличается от европейской. Она, во-первых, обусловлена уникально низкой рождаемостью, а во-вторых, определяется катастрофически высоким уровнем смертности. Аналоги российским показателям смертности можно найти лишь среди слаборазвитых стран. В период реформ и

---

<sup>3</sup> "Самовластие – синоним не беззакония, а власти, наделенной по закону практически неограниченными полномочиями" [Межуев, 2000, с. 82].

последующей трансформации общества (1992–2000 гг.) число умерших россиян превысило аналогичный показатель за соответствующий период 1980-х гг. (1982–1990) на 5 млн человек<sup>4</sup>.

Рост смертности наблюдается практически во всех возрастных группах россиян и вызван прежде всего социально-экономическими факторами. Так, у большей части населения ухудшились режим, качество и структура питания; в частности мясо, рыба, овощи и фрукты были замещены хлебом, картофелем и крупами. Сократились возможности россиян пользоваться услугами санаторно-курортного комплекса и системы здравоохранения [Россия... 2002, с. 13]. Расходы государственного бюджета России на здравоохранение составляют 3% ВВП против 8–10% в развитых европейских странах и 14% в США. Развал системы государственного здравоохранения при экономической и территориальной недоступности для большинства населения лекарств и квалифицированных медицинских услуг – в совокупности со многими другими факторами – подрывает здоровье нации. От одних и тех же заболеваний россияне умирают на 5–13 лет раньше, чем граждане США. Существенно ухудшилось физическое, психическое и социальное здоровье детей, подростков и молодежи.

В сложном положении находится институт семьи: снижаются показатели брачности населения, растет доля неполных семей с детьми и одиночек фертильного возраста. Коэффициент суммарной брачности для первых браков снизился по сравнению с 1989 г. почти вдвое. Одна из причин этого – распространение незарегистрированных сожительства. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, за 10 лет увеличилась в 2 раза и достигла 27%, в том числе 15% детей не были признаны отцами [Население... 2000, с. 50–51, 60–61]. Все больше детей, имеющих родителей, воспитываются в детских домах. По данным Генеральной прокуратуры РФ, численность детей, которые не имеют постоянного места жительства и не учатся, достигла 2 млн. Большинство беспризорных детей приобщаются к преступному миру и лишаются шансов на легитимное включение в общество. Обобщая эти данные, можно сказать, что за последние 10–15 лет демографическая основа роста человеческого потенциала России оказалась серьезно подорванной и находится под угрозой.

*Социально-экономический* компонент человеческого потенциала имеет две составляющих: трудовую и потребительскую. В рассматриваемый период наблюдались тенденции сокращения экономически активного населения России (на 4,5%), занятых в народном хозяйстве (на 9,2%), работников научного и научно-технического труда (соответственно, на 42% и 47%). Кроме того, наблюдалось заметное нарушение возрастной структуры работников. В одних отраслях возник "дефицит смены поколений", а в других, нередко менее перспективных, – избыток трудоспособной молодежи [Россия... 2002, с. 92–93].

Неравномерность сокращения рабочих мест привела к возникновению многочисленных очагов застойной безработицы, ведущей к социальной деградации населения. Безработица выросла с 5% экономически активного населения в 1992 г. до 13,3% в 1998 г. и 10,5% в 2000 г. При этом средний срок поиска работы возрос с 5,7 до 9,1 месяца, а доля не имеющих работы более года увеличилась с 18% до 38% всех безработных [Россия... 2002, с. 94]. Многим специалистам и рабочим пришлось сменить более квалифицированные занятия и профессии на менее квалифицированные. Таким образом, существенная часть трудового потенциала общества в новых условиях не востребована. Что касается потребительской составляющей социально-экономического потенциала россиян, то ее динамика тесно связана с описанными выше тенденциями изменения социальной структуры (снижением уровня жизни, распространением бедности).

---

<sup>4</sup> Коэффициент суммарной рождаемости 1,2–1,3 при 2,15, необходимых для простого воспроизводства населения. К настоящему времени продолжительность жизни в России на 12–15 лет ниже, чем в большинстве европейских стран [Россия... 2002, с. 12, 14].

*Социокультурный* компонент человеческого потенциала зависит, с одной стороны, от институциональной базы отраслей, участвующих в социализации и развитии человеческой личности (образования, культуры, науки), а с другой – от особенностей менталитета уже сложившихся, зрелых поколений. Современная ситуация в сфере высшего образования противоречива. Количественные показатели ее развития (общее число вузов, выпуск студентов и аспирантов, число защищаемых диссертаций, доля профессоров и доцентов среди преподавателей) растут. Ускоренно развивается сектор негосударственных вузов [Наука... 2000, с. 19–23]. Выделилась и набирает все большую силу группа наиболее престижных университетов, дающих студентам современные знания и возможность продолжить образование за рубежом. Но в то же время в основной массе вузов качество обучения снижается. При существующей оплате педагогического труда и размере студенческих стипендий профессора и преподаватели вынуждены работать в нескольких вузах, а большинство студентов – совмещать учебу с работой, что отрицательно сказывается на уровне получаемых ими знаний. Еще хуже положение в науке: с 1990 по 2000 г. численность занятых в ней сотрудников сократилась с 2,8 до 1,2 млн человек, а их вклад в мировую науку, по оценкам экспертов, сократился в десятки раз.

Социокультурный потенциал общества существенно зависит от ценностей, потребностей, интересов и норм, доминирующих в массовом сознании. В этой связи следует отметить, что большая часть российского общества настроена по отношению к либерально-демократическим реформам консервативно. Экономической системе, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, отдают предпочтение 33% опрошенных при 52% высказывающихся за государственное планирование и регулирование экономики. Согласно опросам, проведенным в 2000 г., лишь немногим больше четверти россиян были согласны с необходимостью обеспечить независимость ветвей власти, в то время как "сосредоточение всей полноты власти в одних руках" предпочли бы три пятых. Демократию по образцу западных стран поддерживали 26% граждан, а политическую систему советского типа – 42% [Общественное... 2000, с. 68, 83].

Вместе с тем социологи фиксируют тенденции к индивидуализации ценностей, ослаблению патерналистских установок, большей ориентации россиян на собственные силы, рационализации поведения, росту индивидуальной ответственности и самостоятельности. Но эти тенденции выражены не очень сильно и характерны, главным образом, для социально продвинутой части общества.

*Деятельностный* компонент человеческого потенциала России за время реформ заметно возрос. Приватизация государственной собственности, либерализация экономики, демократизация политической сферы сняли путы, сдерживавшие социальную активность наиболее дееспособной части россиян. Более молодые, образованные и инициативные люди энергично включились в новые виды деятельности, часто связанные с немалым риском, и добились существенных результатов. Многие получили возможность приобрести перспективные профессии, сделать недоступную прежде карьеру, поехать учиться или работать за рубеж, осуществить разные общественно-политические инициативы, накопить капитал, создать собственный бизнес, заняться индивидуальной трудовой деятельностью, расширить личные подсобные хозяйства и др. К середине 1990-х гг. экономические реформы привели к заметному росту предпринимательской активности. С 1993 по 1997 г. доля бизнес-слоя в занятом населении России возросла с 14 до 21%. Однако кризис 1998 г. так сильно ударил по мелкому и среднему предпринимательству, что оно не могло оправиться от потрясения несколько лет.

Рост делового и трудового потенциала экономически активных россиян, по сравнению с советским временем, подтверждается интенсивным развитием рыночной экономики, формированием рыночной инфраструктуры, развитием международных торговых связей российских предпринимателей, расширением ареала деятельности крупных финансово-промышленных групп. Заметно активизировалась инициативная деятельность в политической, социальной и культурной сферах. Но это относится прежде всего к тем 30–40% россиян, которые имели достаточные ресурсы для включения в деловую

деятельность и адаптировались к новым правилам игры. Остальным, несмотря на сохранение многими из них прежних предпочтений и установок, чтобы выжить в новых условиях, пришлось повысить трудовую активность. Значительная часть граждан, особенно горожан, стали интенсивней трудиться, совмещать несколько работ, браться за дополнительные приработки, производить больше продукции в личных хозяйствах. Хотя сдвиги в установках и фактической деятельности этой более инертной части общества носили во многом вынужденный характер, объективно они тоже содействовали повышению деятельностного потенциала общества.

Динамика человеческого потенциала России формируется под влиянием многих противоречивых процессов. Ее интегральная оценка во многом зависит от того, какое значение придавать каждому из процессов. Поэтому существуют не только различные, но даже противоположные оценки общей динамики человеческого потенциала России. Оптимисты обращают больше внимания на ту часть россиян, энергия которой существенно возросла и нашла достойное применение. Пессимисты же отмечают в первую очередь негативные изменения в социально-демографическом и социально-экономическом компонентах этого потенциала. О реальном положении дел помогают судить данные о динамике индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) России, рассчитываемые в рамках Программы развития ООН. В 1992 г. ИРЧП России составлял 0,85, что свидетельствовало о ее принадлежности к странам с высоким человеческим потенциалом. К 1997 г. ИРЧП России снизился до 0,77, в результате чего страна спустилась с 30-го на 75-е место (среди 175 изучаемых стран), передвинувшись в группу стран со средним уровнем развития [Доклад... 1999]. Отмечается резкая несбалансированность структуры ИРЧП России. Если индекс образованности ее населения в конце 1990-х гг. составлял 0,92, то индекс ожидаемой продолжительности жизни – всего 0,70, а индекс материальной обеспеченности граждан – 0,68 [Россия... 1999, с. 60]. Очевидное снижение человеческого потенциала России свидетельствует о том, что ее обществу пока не удалось создать социальные и культурные предпосылки последующего рывка к процветанию.

### **Культурно-политические силы современной России**

Особенности развития общества зависят не только от его "вертикальной", или социально-иерархической, структуры. Не меньшее значение имеет "горизонтальная" структура, задаваемая составом и соотношением культурно-политических сил, имеющих разные ценности, потребности, интересы, преследующих разные цели и – осознанно или неосознанно – содействующих разным вариантам преобразования общества. Центральным понятием, раскрывающим содержание этого феномена, являются политические интересы. Они выступают той социальной субстанцией, которая, с одной стороны, скрепляет социально разнородные элементы внутри каждой культурно-политической общности, обеспечивает ее относительную целостность и способность к солидарному действию, с другой – разделяет и противопоставляет эти общности, определяет характер их взаимодействий. Направления развития России, поддерживаемые разными культурно-политическими силами, различаются лежащими в их основе ценностями, социальными и политическими целями, средствами их достижения, содержанием и последовательностью требуемых практических действий.

Опросы общественного мнения показывают, что до половины взрослых россиян (а соответственно, и электората страны) составляют носители внеполитического сознания, которые либо вовсе не интересуются политикой, либо имеют о ней смутное представление. Социальное недовольство этих людей, как правило, не перерастает в политический протест, значительная часть их обычно не голосует на выборах. Однако они представляют собой резерв, легко отзывающийся на демагогические и популистские акции и мобилизуемый разными культурно-политическими силами в своих целях.

Политически активная часть современного российского общества представлена пятью типами культурно-политических сил: государственноческими, олигархическими,

коммуно-патриотическими, либерально-демократическими и социал-демократическими<sup>5</sup>. Существенно различаясь своей идеологией и ценностно-деятельностными позициями, эти общности объединяют граждан, прямо или косвенно заинтересованных в разных путях дальнейшего развития России. В отличие от политических партий с близкими названиями или их электората, макроэлементы культурно-политической структуры общества носят преимущественно латентный характер и не имеют организационного оформления. В настоящее время они находятся на начальной стадии формирования. Определенная часть их представителей сознательно исповедует соответствующие идеологии, а более многочисленная, но менее активная часть способствует их реализации своими прагматически мотивированными действиями, не задумываясь об их долгосрочных последствиях. Отчетливо различимые по одним ценностям, разные культурно-политические общности могут сливаться воедино по другим. Численность этих общностей меняется и в зависимости от набора обсуждаемых политических ценностей, и от конкретной политической ситуации. Каковы же ценностно-деятельностные позиции обозначенных выше сил?

Олигархические силы базируются на слиянии собственности и власти. Формально они декларируют либеральные цели и ценности, но на практике ориентируются прежде всего на высокомонополизированную корпоративную экономику. Владельцы крупного и крупнейшего капитала жизненно заинтересованы в максимально свободной эксплуатации естественных ресурсов, составляющих их основное богатство. Главное для них – сохранить за собой право на присвоение подавляющей доли прибыли от продажи нефти, газа, бокситов и других ценных ископаемых. Этой цели соответствует "маленькое", формально демократическое и не очень сильное государство, фактически управляемое крупным капиталом.

Политические интересы государственных сил связаны прежде всего с укреплением государственной власти и достижением политической стабильности путем выстраивания жесткой исполнительной вертикали, наведения порядка в деятельности всех ветвей и уровней власти. В экономической сфере предпочтение отдается смешанной системе хозяйства с весомым и эффективно управляемым государственным сектором. Развитие частного сектора допускается при условии его строгого регулирования государством. Социальные приоритеты государственников ориентированы на умеренный патернализм и дальнейшее повышение статуса государственных служащих, а внешнеполитические – на самостоятельный путь развития России. Либерально-демократические ценности в лучшем случае отходят на второй план, а в худшем вообще исключаются.

Коммуно-патриотические силы составляют наиболее консервативную часть отечественного политического спектра. Они придерживаются таких ценностей, как социальное равенство, коллективизм (соборность), великодержавность, военная мощь страны, особое место русских среди других этносов и православия среди других конфессий. Носители этих культурно-политических образцов настаивают на особом пути развития России, а нередко и на ограничении ее связей с Западом.

Долгосрочные интересы либерально-демократических сил связаны с формированием "маленького", но сильного правового демократического государства, ограничивающегося самым необходимым вмешательством в жизнь общества. Главные задачи этого государства видятся в установлении силы закона, наведении правового порядка, содействии развитию конкурентного рынка, надежном гарантировании контрактов, защите прав и свобод граждан, активной борьбе с преступностью. Основные экономические ценности этой общности – свобода хозяйственной деятельности в установлен-

---

<sup>5</sup> Речь в данном случае идет не о политических партиях с аналогичными названиями и не об их электорате, а об основных макроэлементах культурно-политической структуры России. Например, конкретные члены КПРФ, в зависимости от своего менталитета, могут принадлежать либо к коммуно-патриотическим, либо к социал-демократическим силам, а поклонники ЛДПР примыкают, скорее, к национал-патриотическим, чем к либерально-демократическим силам.

ных законом рамках, стимулирование частного предпринимательства, свободный конкурентный рынок, умеренное и справедливое налогообложение, зависимость социального продвижения индивидов в первую очередь от их личных способностей и усилий, свобода хозяйственной деятельности в установленных законом рамках, стимулирование частного предпринимательства, свободный конкурентный рынок, умеренное и справедливое налогообложение.

Социал-демократические силы поддерживают идею хотя и свободного, но сильного и "большого" государства, способного – при достаточном развитии частного бизнеса – контролировать командные высоты экономики, перераспределять значительную часть ВВП через государственный бюджет, обеспечивать строгое соблюдение законов, регулировать внутренний рынок. Социал-демократы подчеркивают важность надежного гарантирования государством широкого круга социально-экономических прав граждан, выступают за смешанную экономику, социальное партнерство труда, капитала и власти, социальную защиту уязвимых общественных групп, а также ускоренное развитие социальной сферы – здравоохранения, образования, спорта, культуры, науки.

Наряду с легитимными культурно-политическими силами, в общественном пространстве России действуют достаточно мощные криминальные силы<sup>6</sup>. В целом их интересы лежат вне политической плоскости, но по мере накопления экономических и силовых ресурсов они начинают претендовать на участие в политике. Криминальный мир России оказывает заметное влияние на управленческие решения разных уровней, главным образом через механизм коррупции, и играет важную роль в трансформационных процессах. Поэтому его также следует рассматривать в качестве самостоятельной силы, играющей на политическом поле.

Экспертные оценки экономических, политических, социальных и культурных ресурсов разных культурно-политических общностей показывают, что в настоящее время наиболее мощными являются государственнические силы, которым лишь слегка уступают олигархические. При этом первые более сильны властными, а вторые – экономическими ресурсами. Существенно меньшими, хотя и достаточно крупными ресурсами располагают криминальные силы. Заметно беднее ресурсами коммуно-патриотические силы, а наименее значимы либерально-демократические и социал-демократические.

Анализ ценностно-деятельностных предпочтений разных культурно-политических сил показывает, что они распадаются на две противостоящие друг другу группы, потенциально способные превратиться в борющиеся за власть политические союзы. Одну группу составляют государственнические, социал-демократические и коммуно-патриотические силы, стремящиеся создать в России мощное авторитарное государство, усилить его роль в управлении экономикой (возможно, ренационализовав часть приватизированных "командных высот"), обеспечить (в той или иной мере) государственный контроль над ее частным сектором, более жестко подчинить внешнюю политику национальным интересам России.

Другая группа представлена олигархическими, либерально-демократическими и криминальными силами, в интересах которых минимизировать роль государства, в первую очередь его экономические функции. Все хозяйственные ресурсы, включая землю и другие природные блага, по мнению их представителей, должны быть переданы в частную или корпоративную собственность. А экономическую роль государства следует ограничить сбором и перераспределением умеренных налогов. Главным регулятором экономики должен стать национальный рынок, являющийся органической частью мирового. Вопрос о необходимости принятия законов, вводящих свободную экономику в цивилизованные и правовые рамки, а также о методах их силового вменения действующим субъектам, не желающим считаться с законом, в данном контексте ставится далеко не всегда.

---

<sup>6</sup> Известно, например, что в Государственной думе РФ, в законодательных органах столиц, крупных городов, регионов, равно как в структурах исполнительной власти, немало лиц с уголовным прошлым.

Картина противостояния двух мощных блоков общественных сил, группирующихся, соответственно, вокруг государственников и "олигархов", осложняется практикой оппортунистического сотрудничества видных представителей разных идеологий, нередко базирующегося на частных интересах. Реальные отношения этих общностей носят противоречивый характер, строясь по принципу "брат мой – враг мой". Остро конкурируя за экономические ресурсы и политическое влияние, их представители нередко сотрудничают друг с другом, либо объединяя свои ресурсы для достижения общих целей, либо взаимовыгодно обмениваясь ими.

### Возможные варианты будущего

Исследование культурно-политической структуры российского общества важно потому, что его результаты позволяют оценить сравнительную вероятность разных вариантов будущего страны. Прежде чем попытаться это сделать, замечу, что общее направление трансформации российского общества определилось, по-видимому, необратимо. Возвращение к власти одной партии, огосударствленной экономике, централизованному планированию и распределению, резкому ограничению прав и свобод человека уже невозможно, тоталитарное прошлое ушло навсегда. А следовательно, особенно широкого выбора дорог у России уже нет (см., в частности [Левада, 2003]). Разумеется, в рамках имеющегося поля свободы возможны разные пути и дороги, но различаются они главным образом *количественными* соотношениями (степенями, уровнями) таких *характеристик*, как конкурентность или монопольность рынка, управляемость или стихийность институциональных сдвигов, легитимность или коррумпированность экономических отношений; соблюдение правовых норм или пренебрежение правом, преобладание демократических или силовых методов управления и т.п. Из состава и соотношения доминирующих культурно-политических сил России можно заключить, что в ближайшие годы в принципе возможно осуществление трех вариантов развития: умеренно государственно-ческого, авторитарно-силового или олигархического.

Вектор *умеренно государственно-ческого варианта* направлен на легитимное расширение управленческих и контрольных функций государства в политической, правовой и экономической сферах. Речь идет о повышении функциональности органов государственной власти, укреплении исполнительной вертикали, упорядочении системы законов и норм, обеспечении надежного применения права. В случае успеха это позволит остановить растущую криминализацию общества, гарантировать относительный правовой порядок, обеспечить равную защищенность государственной и частной легитимно приобретенной собственности. О рационализации командных высот экономики в рамках этого варианта можно говорить лишь по отношению к активам, приватизация которых носила явно криминальный характер. Такой путь развития не исключает расширения связей России с мировым сообществом, ее включения в международные организации и союзы, равно как и некоторого расширения освоенных обществом демократических процедур, гарантий личных прав и свобод. Вместе с тем исторический опыт свидетельствует, что в России даже необходимое и полезное расширение функций власти обычно усиливает бюрократизм, отчужденность власти от общества и ее склонность к самоуправству. Подобные тенденции наблюдаются и сейчас [Левада, 2000<sup>6</sup>, с. 160–161].

Возможность и вероятность усиления антидемократических тенденций отражает *авторитарно-силовой* вариант развития России. Условия его осуществления – не только надежная победа государственно-ческих сил над олигархическими, но и значительное укрепление позиций силовиков внутри системы государственной власти. Движение России в эту сторону означало бы дальнейшую сдачу позиций и завоеваний демократических сил, расширение репрессивных, ограничительных мер государства в отношении прав человека, свободы предпринимательства, творческой деятельности, распространения информации и др. В стратегическом плане это "путь в никуда", ведущий лишь к дальнейшему углублению раскола между властью и обществом. И без того

медленное и трудное движение России в сторону правового демократического государства сменится возвращением к традиционному самовластию, и едва отведавшие политических свобод граждане могут снова оказаться низведенными до положения безгласных подданных. В социально-экономической сфере вероятны рационализация значительной части собственности, свертывание свободного рынка, частичное восстановление централизованного распределения доходов и потребительских благ. Внешняя политика с большой вероятностью может принять антизападный изоляционистский характер. По счастью, вероятность реализации этого варианта развития не очень высока. Ему будут противостоять, во-первых, практически все культурно-политические силы России, за исключением самых консервативных, а во-вторых, уже ставшее фактом включение России в мейнстрим мирового развития.

**Олигархический вариант** развития предполагает если не прямую, то косвенную победу экономической элиты над политической, например, путем проведения "своих людей" на главные политические посты с помощью манипулирования электоратом. Такое развитие событий означало бы автоматическую амнистию всех противоправных действий ельцинского режима и сохранение сложившейся к настоящему времени системы имитации стабильности, правового порядка, демократии и конкурентного рынка. В этом случае естественно ожидать дальнейшего распространения и превращения в социальную норму самых различных форм неправового поведения индивидов, организаций и групп (подробнее см. [Заславская, Шабанова, 2004]). В пределе это грозит превращением России в полукриминальное государство, опасное для соседей, а с учетом наличия атомных вооружений – и для мира в целом. Об успешном экономическом и социальном развитии общества в этом случае говорить не придется. Экономика сохранит свой хищнический характер, природные богатства России полноводной рекой польются за рубеж, а социальный разрыв между верхами и низами общества превратится в непроходимую пропасть.

Исходя из сложившегося соотношения сил, наиболее вероятной представляется реализация умеренно государственно-олигархического варианта развития общества, поскольку лишь он может получить относительную поддержку или хотя бы нейтралитет всех легитимных сил общества. Совершенно не устраивает он лишь представителей криминального мира, поскольку грозит им усилением правового порядка. Этот наиболее вероятный вариант является в то же время и наиболее предпочтительным для общества, потому что оба других варианта много хуже.

Умеренно государственно-олигархический путь развития России не сулит ни взлета экономики, ни заметного расширения прав и свобод россиян, ни нового витка глубоких институциональных реформ. Однако от него можно ожидать некоторого повышения народного благосостояния и укрепления правового порядка. Не исключаются некоторое расширение и упрочнение демократических процедур, дальнейшее развитие связей России с мировым сообществом, а также становление гражданского общества. Однако демократическая общественность не должна забывать, что расширение бюрократического контроля за всеми сферами общественной жизни, включая культуру, идеологию и СМИ, потенциально угрожает правам и свободам граждан.

Нельзя полностью исключить и вариант восстановления (скорее всего, в ослабленной форме) того противоправного режима, который сложился на этапе раздела и передела государственной собственности. Заинтересованные в его продлении олигархические и криминальные силы, как и коррумпированная часть бюрократии, обладают достаточно мощными властными, экономическими и силовыми ресурсами, чтобы противостоять попыткам создания правового государства. Не меньше и противоположная опасность. Под видом реализации популярных идей наведения порядка, борьбы с преступностью и укрепления государства фактически может набирать силу авторитарный режим, столь же далекий от правового государства, как и всевластие олигархии.

Что касается демократических вариантов, то развитие России по любому из них – либеральному или социальному – предполагает строгое отделение государственного управления от частного бизнеса, бескомпромиссную борьбу с коррупцией, независи-

мость правосудия от исполнительной власти и т.д. Условиями успешного движения к демократии являются не только доверие граждан к власти, но и уважение власти к гражданам. В России же пока нет ни того, ни другого. После множества пережитых обманов ее граждане вряд ли скоро поверят власти. Это станет возможным лишь в том случае, если политическая элита захочет и сумеет заменить бюрократическую модель управления государством демократической.

Между тем пока российская власть не стремится сделать свою деятельность прозрачной и понятной обществу. Она отказывается от ответственности перед обществом за результаты своих решений и действий; не проявляет готовности устранить последствия ошибок и преступлений, совершенных ее представителями. Демократические же силы страны не располагают ни властным, ни силовым, ни экономическим капиталом. Они сильны только малозначимыми в России социальными и культурными ресурсами, а кроме того, они идейно расколоты, слабо организованы и не пользуются серьезной массовой поддержкой. Поэтому вероятность скорого создания здесь правового либерально-демократического государства невелика.

Но это не означает, что россияне имеют мало шансов расширить область своей личной свободы в том смысле, который они сами вкладывают в это понятие и который для них наиболее важен. Дело в том, что жизненные интересы большинства из них в настоящее время связаны с расширением не столько политических и гражданско-правовых, сколько социально-экономических прав и свобод. А для движения в этом направлении есть довольно большие возможности. Во-первых, как показывают опросы, требования россиян к индивидуальной свободе значительно скромнее того, что предполагается понятием "правовое либерально-демократическое государство". Во-вторых, за последние годы и ранее невысокий уровень значимых для них аспектов свободы заметно снизился, причем для значительной части граждан этот новый уровень стал привычным. Наконец, в новых условиях успело социализироваться целое поколение молодежи, воспринимающее сложившуюся область своей свободы как данность. В этих условиях расширение любых значимых для людей индивидуальных прав и свобод, прежде всего в социально-экономической сфере, не останется незамеченным, а будет позитивно оценено и молодыми, и более зрелыми поколениями [Шабанова, 2000].

Демократизация и либерализация российского общества в более длительной перспективе зависят в первую очередь не от действий элиты, а от трансформации политической культуры России и политического поведения ее граждан. Дело в том, что подлинная демократизация общества предполагает изменение не только писанных правил, но и базовых политических и экономических практик, в которых участвуют представители всех слоев общества. Модернизация институтов и становление новых социальных практик достигаются согласованными усилиями акторов самых разных уровней. Поэтому решающая роль в превращении России в правовое демократическое государство и обретении ею достойного места в мировом сообществе принадлежит развитию гражданского общества, способного сознательно и организованно отстаивать свои жизненные интересы в равноправном диалоге с властью.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001.  
Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1.  
Голенкова З.Т. На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3.  
Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия. Трансформирующееся общество. М., 2001.  
Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации UNDP. М., 1999.  
Заславская Т.И. Социальная структура России: главные направления перемен // Куда идет Россия?... Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.  
Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?... Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996.

*Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о “среднем классе” российского общества // Мир России. 1998. № 4.

*Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.

*Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996.

*Левада Ю.А.* Общественное мнение и общество на перепутье 1999 года // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000<sup>б</sup>.

*Левада Ю.А.* Рамки и варианты исторического выбора // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

*Левада Ю.А.* Человек недовольный: протест и терпение // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. М., 2000<sup>а</sup>.

*Лепехин В.А.* Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. 1998. № 4.

*Межуев В.М.* Традиция самовластия в современной России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.

Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2000.

Наука России в цифрах. 2000. Статистический сборник. М., 2000.

Общественное мнение – 2000. ВЦИОМ. М., 2000. Декабрь.

*Паппэ Я.Ш.* “Олигархи”. Экономическая хроника. 1992–2000. М., 2000.

*Пихоя Р.Г.* От номенклатуры к олигархии. Функционально-социальная группа на пути к сословию // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.

*Римашевская Н.М.* 36 миллионов бедняков живут в России // Новая газета. 2004. № 77 (910).

Россия 2015. Оптимистический сценарий. М., 1999.

Россия. 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М., 2002.

*Тихонова Н.Е.* На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3.

*Чирикова А.Е.* Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997.

*Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса в России // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

*Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000 (<http://www.auditorium.ru/books/83/>).